
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА:
НА ПУТИ
К «КРАСНОМУ КОЛЕСУ»

Материалы Международной научной конференции
Москва, 7–9 декабря 2011 года

Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина.
М. : Русский путь, 2013. С. 235–240

Москва
РУССКИЙ ПУТЬ
2013

Сергей Бочаров
Москва

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ: ОТ ТЮТЧЕВА К «КРАСНОМУ КОЛЕСУ»

«Почему революция победила Россию?» Так сформулировал Андрей Немзер главный вопрос солженицынской эпопеи¹. И назвал тем самым двух её самых крупных героев. Книга необыкновенно многонаселённая, но всё изобилие лиц группируется и собирается в два главные сверхлица — Россию и революцию.

Здесь стоит вспомнить, что эта самая группировка была точно так сформулирована в середине ещё XIX столетия — Тютчевым. Точно так сформулирована, но поставлена и решалась та же борьба диаметрально иначе, чем в картине «Красного Колеса». «Россия и Революция» — статья была написана Тютчевым в 1848-м по-французски и была тогда же в Париже опубликована. Так он переформулировал уже нашу традиционную к тому времени тему о России и Европе: приравнял Европу к революции как судьбе Европы и отделил, отмежевал от революции Россию.

«Уже давно в Европе существуют только две реальные силы (*deux puissances réelles*): Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества»².

На равных с Россией Тютчев и Революцию пишет с заглавной буквы, как имя собственное. В его картине мира это две духовно непримиримые личности-силы. Картина, какая в будущем и перейдёт в солженицынскую картину, и заглавные тезисы Тютчева будут в точности ей соответствовать, за исключением лишь конечного результата.

«<...> В теперешнем состоянии мира лишь русская мысль достаточно удалена от революционной среды, чтобы здраво оценить происходящее в ней»³. Это Тютчев в 1848-м, у Солженицына через столетие уже дан портрет нашей революционной среды, в лице не только Ленина с Троцким, но и разных пламенных молодых.

Тютчев пророчил европейский крестовый поход на Россию, «который всегда был заветной мечтой Революции, а теперь стал её воинственным кличем»⁴, и планировал наш обратный крестовый поход как наше призвание. Здесь в дело

включалась тютчевская «*rêverie gigantesque*», как назвали её оппоненты на Западе, и что можно перевести и как «исполинская грёза», и как выразительно переводят тоже — «исполиские бредни». Бредни были воистину исполинские — историческая программа будущей России: «Православный Император в Константинополе, <...> Православный Папа в Риме, подданный Императора»⁵. Программа мечтаемой русско-славянско-византийской Империи.

Автор «Красного Колеса», кажется, нигде не упоминает Тютчева, но он много раз говорит о причинах, вызвавших ненужную стране разрушительную войну как срыв нашей истории в пору, которая обещала другое будущее, и через войну к революции. В том числе называет трезво застарелые государственные и идейные мифы — панславистский и царьградский — «почти всеобщее ослепление этим Константинополем, будь он неладен!»⁶. На знаменитую «Русскую географию» тютчевскую есть также косвенный трезвый тоже ответ солженицынский: есть «некая мера расширения» (9; 309) и для России, и «у народа — тоже есть пределы» (9; 381).

Русская революция в романе то и дело ссылается на параллель-образец — на Великую французскую, а у другой, солженицынской стороны (у Воротынцев) есть потребность — «распараллелить» (9; 275). Тютчевский образ революции возник уже на следующем европейском этапе, когда она себя обнаружила как цепная реакция, как непрерывно действующая в истории и нарастающая в ней сила (по крайней мере, третья французская революция за полвека). В тютчевском толковании «Революция не только враг из плоти и крови. Она более, чем Принцип. Это Дух, Разум...»⁷. *C'est un Esprit*, это Дух! Одним из первых не только у нас, но в Европе он так мощно понял её не только как политический факт, но как духовную силу, вступившую в историческую борьбу с духовной силой христианства. Одним из первых, вслед за первым философом революции, Жозефом де Местром. «Православным графом де Местром» окрестил его приятель по молодости Иван Гагарин. В 1796-м в «*Considération sur la France*» де Местр начертал мистический образ революции как сатанинской силы, пущенной Богом для принесения человечеством искупительной жертвы. Де Местр говорил о революции, «предписанной свыше», и, проклиная её, мистическим поворотом мысли давал ей религиозное оправдание. Французскую революцию, а она у него на глазах совершалась, он описывал как неожиданное чудесное событие, словно цветение дерева в январе. Не люди ведут революцию, а сама революция пользуется людьми в своих собственных целях. «Очень верно говорят, что она свершается сама собой»⁸.

Автор «Красного Колеса» нисколько не фаталист. Он учитывает безмерную сумму ошибок и вин, исторически-общих и человечески-личных, обусловивших исторический срыв. Автор не фаталист — но в широчайше развернутом взгляде его на событие революции сохраняется нечто мистическое и, пожалуй, даже фатальное, как на тайну. Выразитель этого взгляда в романе — Звездочёт-Варсонофьев в его проповедовании перед мальчишками:

«— История — *иррациональна*, молодые люди. У неё своя органическая, а для нас, может быть, непостижимая ткань. <...> А на главные вопросы — и ответы круговые. На г л а в н ы й вопрос и никто никогда не ответит» (7; 374, 376).

В тексте этому отвечает обозначение надвигающегося и ожидаемого какими словечками, как *она*, *оно* и *это*. *Она уже пришла* — Немзер в своём «опыте прочтения» чутко выявил эту краткую фразу, как будто затерянную в безмерном тексте, а он её выделил как звено центральное⁹.

Наконец, и само *красное колесо* — гениально посланное Ленину наведение мифологическое. Оно ведь прямо от Ленина на страницах романа перейдёт к Солженицыну, к автору, и даст название книге. После, в самый момент революции, Ленин слеп, она приходит «сама», а он к ней затем придёт на готовое, на незанятую и брошенную обществом власть.

Тютчев — поэт и мыслитель. И поэтическая метафора, отвечающая статье о России и Революции, известна: море и утёс. Россия как надёжный утёс против бурного европейского моря. У солженицынского героя, у Воротынцева, возникает подобное же мечтание, но уже в самом котле войны: «<...> вообще не вмешиваться в европейское галдёжное безумие, вообще не окуна́ться в эту войну, но оставить Россию неподвижной глыбой над разодранным континентом!» (9; 130). Оставить её утёсом тютчевским, но это уже запоздалое мечтание: вмешались и окунулись.

Тютчевские море и утёс вошли метафорой в русскую мысль и продолжали действовать на самых её верхах. Тютчевский тезис проходил испытание ходом событий и сильнейшей нашей мыслью уже в конце века в основном подтверждался. Достоевский в предпоследнем «Дневнике писателя», в августе 1880-го (здесь же и Пушкинская речь Достоевского напечатана), о западных коммунарах: «<...> они бросятся на Европу, и всё старое рухнет навеки». Тут же и тютчевская метафора: «Волны разобьются лишь о наш берег», и обнаружится, «до какой степени наш национальный организм особлив от европейского»¹⁰. Правда, тогда же он говорил и о том, что назвал русской стороной европейских учений: «Состоит она в тех выводах из учений этих, в виде несокрушимейших аксиом, какие делаются только в России, в Европе возможность выводов этих, говорят, даже и не подозреваема»¹¹. И всё-таки последним словом Достоевского стало поучение Зосимы, что «неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален. Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь»¹². Историческим ответом на это станет Ленин «Красного Колеса».

И единственный Константин Леонтьев будет делать в конце столетия, и особенно в последний год своей жизни — 1891-й, иной прогноз, а именно: «Россия же вполне бессословная не станет ли скорее, чем мы обыкновенно думаем, в о г л а в е именно того общереволюционного движения <...>»¹³. Скорее, чем мы думаем! Через какие-нибудь полвека, не более, наш народ «из народа “богоносца” станет мало-помалу, и сам того не замечая,

“народом-богоборцем”, и даже скорее всякого другого народа, быть может»¹⁴. И сам того не замечая!

По истокам мысли Леонтьев был почвенник, и национальное, почвенное обоснование он давал и этим своим прогнозам: у нас «почва рыхлее, постройка легче»¹⁵. Через полвека те самые будет слово найдено для этой будущей постройки — платоновский котлован. Котлован — безнадежное строительство Вавилонской башни на рыхлой почве. На Западе, писал Леонтьев, «<...> бури, взрывы были громче, величавее. Запад имеет более плутонический характер; но какая-то особенная, более мирная или глубокая подвижность всей почвы и всего строя у нас, в России, стоит западных громов и взрывов»¹⁶. Подвижность и рыхлость национальной почвы как тревожная предпосылка. Леонтьев был мастер таких пластических образов исторического процесса.

И сама революция, безусловно им отрицаемая, была в его описании окрашена эстетически. Однажды он красиво её описал, как поэтическое олицетворение, вроде «Музы» или «Победы»: «представление мифическое, и н д и в и д у а л ь н о е, какая-то незримая и дальновидная богиня, которая пользуется с л е п о т о ю и страстями как самих народных масс, так и вождей их д л я с в о и х с о б с т в е н н ы х к а к б ы с о з н а т е л ь н ы х ц е л е й»¹⁷. Столетие спустя Леонтьев почти повторил мифологическую картину Жозефа де Местра, уже упомянутую: она свершается сама собой. *Она уже пришла* — по Солженищину.

С ходом лет у Леонтьева в этом трёхчлене: Россия, Европа и Революция, в треугольнике этом, третий член всё больше смещался в сторону России. Красное колесо наехало на неё и с ней совместилось. «Призрак бродит по Европе», — было сказано в том же революционном в Европе 48-м году, что и Тютчевская статья. Призрак бродит по Европе и красное колесо — два динамических образа революции, мифологически родственные ведь образы: призрак бродит, колесо катится. Призрак бродил по Европе и забрёл в как будто не предназначенный ему самими авторами этого образа край. Ведь ещё пять лет спустя, в 1853-м, Энгельс почти повторил со своей стороны то самое соотношение сил, какое было описано Тютчевым, и почти прямо в тех же словах: «<...> на европейском континенте существуют фактически только две силы: с одной стороны, Россия и абсолютизм, с другой — революция и демократия»¹⁸. Вообще, с противоположных идейных сторон, но в одном удивительно сходились Тютчев и Достоевский с Марксом и Энгельсом — в представлении о консервативном (для классиков марксизма реакционном) противостоянии не только царской, но и народной России западной революции. И вероятно, оба марксистских классика были бы изумлены, узнай они про два монументальных памятника им обоим, до сих пор украшающих нашу восточную столицу — прямо перед Кремлём и у Храма Христа Спасителя. Так они засвидетельствовали монументально, и, наверное, для себя самих неожиданно, своё присутствие среди нас уже на исходе почти вековой истории нашей. Не в самом ли деле случилось то, что Тютчев пророчил — крестовый поход Революции на

Россию, на эту ненадёжную, по Леонтьеву, рыхлую почву? Вот по леонтьевскому случаю поминался уже платоновский «Котлован». А по соседству заглянем в платоновский «Чевенгур» — имя Маркса мы встретим здесь то и дело на языке диковатых персонажей чевенгурской коммуны рядом с именами Ленина и Розы Люксембург. «Чепурный грустно затосковал и обратился за умом к Карлу Марксу»¹⁹. Как вышло так исторически, что за умом к Карлу Марксу обратилось целое общество, от которого сам он того никак не ожидал? «Чевенгур» и «Котлован» — два сильных исторических свидетельства.

Красное колесо — это красное колесо, оно окрашено, но почему в марксистский именно цвет оно оказалось окрашено? До сих пор историческая загадка. И солженицынская картина тоже пока не даёт достаточного ответа. О марксистской идеологии как «зловонном корне сегодняшней советской жизни»²⁰ автор одновременно будет писать в 70-е годы в «Письме вождям» и в ответе Сахарову (об отличии позиции Александра Исаевича на эту тему от позиции Сахарова есть статья Раймона Арона²¹). Но это уже на исходе, а как готовилось это идеологическое вековое завоевание огромной страны и почему оно состоялось — об этом «Красное Колесо». Как оно постепенно пропитывало «революционную густоту событий», столь мощно воссозданную в «Марте...» и «Апреле...». Половодье красного цвета в «Марте...» — это февраль, где красный бант и у великого князя в петлице, а на улицах кровь. Ленинское красное колесо въезжает в это красное половодье и переламывает его.

Большевизм, наш отечественный марксизм, ведь это не западный Марксов марксизм, но это вопрос особый, Солженицын его не касается. А два монумента сегодня у нас Москву украшают. В романе у Троцкого есть любопытное замечание, что «Ленин стал троцкистом, только никогда не признаётся»²². Вообще, эта пара — Ленин с Троцким — даёт почувствовать, что такое этот наш свой, отечественный марксизм. Как таковой, как марксизм, он ещё не очень заметен в картинах «Красного Колеса», он словно ползучим образом проникал в национальную жизнь и зазвучал уже именем Маркса и новым, коммунистическим языком в платоновском «Чевенгуре». А в «Чевенгуре» это время гражданской войны и военного коммунизма, уже самое близкое время ко времени «Красного Колеса».

У историка-философа России в XX веке Г.П. Федотова в одной статье сильно сказано о «марксистской пугачёвщине Ленина»²³. Это сильная формула революции нашей — *марксистская пугачёвщина*. И формула нашего советского марксизма.

Что же с нами случилось тогда, что потом отозвалось в платоновском «Чевенгуре»? Мы получаем в романе такие ответы от генерала Нечволодова и Звездочёта-Варсонофьева: заразная эпидемия, «помутнение национального духа», «космическое завихрение». «Будто наш народ сошёл тогда с ума» — как стихотворно сказано Воротынцевым в примыкающей к повествованию песне «Пленники». Как будто сам автор здесь остановился в недоумении.

«Близкая история нашей страны так неизвестна <...>» — сказано в авторских замечаниях к Узлу II (10; 531). «Красное Колесо» даёт могучий урок понимания этой плохо нам известной истории. Вместе с обширным корпусом исторических и философских работ Георгия Федотова стоит его к Солженицыну подключить. Урок понимания, которому, во-первых, нужен контекст расширенный, исторический; тут и Тютчев будет кстати, вместе с Леонтьевым. И во-вторых, марксистский характер постигшей страну заразы как историческую загадку ещё предстоит понять.

Примечания

¹ См.: Немзер А. «Красное Колесо» Александра Солженицына. Опыт прочтения. М.: Время, 2010. С. 12.

² Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М.: ИМЛИ, ИРЛИ, издательский центр «Классика», 2003. Т. 3. С. 144. Пер. с фр. Б.Н. Тарасова.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 201.

⁶ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10. 2007. С. 18. Далее цитируется это издание с указанием в скобках тома и страниц; сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁷ Тютчев Ф.И. Указ. изд. С. 183.

⁸ Местр Ж. де. Рассуждения о Франции / Пер. с фр. Г.А. Абрамова, Т.В. Шмачковой. М.: РОССПЭН, 1997. С. 12, 17–18.

⁹ См.: Немзер А. Указ. соч. С. 17, 86.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. С. 168.

¹¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. С. 132.

¹² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 285.

¹³ Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М.: Республика, 1996. С. 689.

¹⁴ Там же. С. 684.

¹⁵ См.: там же. С. 697.

¹⁶ Там же. С. 153.

¹⁷ Там же. С. 644–645.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.: В 50 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 9. С. 15.

¹⁹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. С. 242.

²⁰ Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 218.

²¹ См.: Арон Р. Роль идеологии: Солженицын и Сахаров // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика (1974–2008): Сб. ст. М.: Русский путь, 2010. С. 301–309.

²² Солженицын А.И. Ленин: Цюрих — Петроград. Екатеринбург, 2001. С. 401.

²³ См.: Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избр. ст. по философии русской истории и культуры: В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 164.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (<i>Л.И. Сараскина</i>)	5
--	---

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Обращение Ю.С. Осипова к участникам конференции	9
Слово М.В. Сеславинского	11
Слово В.П. Лукина	13

ОТОБРАЖЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ»

<i>Алтынбаева Гульнара (Саратов)</i> Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	17
<i>Бальзамо Елена (Франция)</i> «...Выполнять свой долг. На своём месте»: личность и исторический процесс в «Красном Колесе»	28
<i>Воли Дэвид (США)</i> Искусство и история в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	40
<i>Глушковский Пётр (Польша)</i> «Красное Колесо» с точки зрения историка	52
<i>Гуськов Вячеслав (Благовещенск)</i> Образ Руси уходящей в исторической эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»	60
<i>Климов Алексей (США)</i> Колебания вектора истории в «Красном Колесе»	72
<i>Махони Дэниел (США)</i> «Зацариться»: Николай II и грядущая революция	80

<i>Шепель Алексей (Санкт-Петербург)</i>	
Роман А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого»: работа писателя с военно-историческими материалами	92
<i>Щедрина Нэлли (Москва)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века	100
<i>Юозайтис Арвидас (Литва)</i>	
Реформатор П.А. Столыпин и консерватор А.И. Солженицын: точки исторического соприкосновения	112
ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ	
<i>Гапоненков Алексей (Саратов)</i>	
Истинный и ложный консерватизм в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	121
<i>Герасимова Людмила (Саратов)</i>	
Пневматология как свойство реализма А.И. Солженицына в «Красном Колесе»	132
<i>Джайтли Изабелла (Индия)</i>	
«О сопротивлении злу силою»: отражение идеи Ивана Ильина в «Красном Колесе»	141
<i>Перселл Брендан (Австралия)</i>	
Некоторые размышления о философской и теологической историографии в «Красном Колесе» Александра Солженицына	151
<i>Пивоваров Борис (Новосибирск)</i>	
Богоборчество как движущая сила революции: ответ «Красного Колеса»	169
<i>Понтузо Джеймс (США)</i>	
Феноменология религии в «Красном Колесе» Солженицына	185
<i>Проскураина Елена (Новосибирск)</i>	
Солженицын в восприятии Александра Шмемана	192
<i>Смыковская Татьяна (Благовещенск)</i>	
Духовное крушение или «найти Святого Духа»? (Пасхальные мотивы в «Красном Колесе»)	205
<i>Хутен Джессика (США)</i>	
Напоминание об истине Божией в «Красном Колесе»	216
<i>Эриксон Эдвард, мл. (США)</i>	
«Ничего нет выше любви»: религиозная составляющая «Октябрья Шестнадцатого»	223

«КРАСНОЕ КОЛЕСО»
И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

<i>Бочаров Сергей (Москва)</i> Россия и революция: от Тютчева к «Красному Колесу»	235
<i>Вахтель Эндрю (США)</i> Раздвигая границы пространства и времени: Андрич, Солженицын и проблема историзма	241
<i>Иванова Евгения (Москва)</i> «Последние дни императорской власти» А. Блока как комментарий к «Красному Колесу»	255
<i>Кибальник Сергей (Санкт-Петербург)</i> Г.И. Газданов и А.И. Солженицын	263
<i>Котельников Владимир (Санкт-Петербург)</i> Картина человека в «Красном Колесе»	267
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i> В.В. Набоков и А.И. Солженицын в пространстве Больших Идей	276
<i>Спиваковский Павел (Москва)</i> Проблема релятивизма: Солженицын, Чехов, Достоевский и поиск истины	287
<i>Тюрина Галина (Москва)</i> Тема Москвы в «Красном Колесе»	294

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Вакамия Лиза Риоко (США)</i> «Дневник Р-17» и «Красное Колесо»: диалог автобиографии, литературы и историографии	305
<i>Ковтун Наталья (Красноярск)</i> Идея «сбережения народа» в ранних текстах А. Солженицына	313
<i>Лесур Франсуаза (Франция)</i> «Люби революцию»: пролог к «Красному Колесу»	328
<i>Роднянская Ирина (Москва)</i> Лирико-патетическое начало в «Архипелаге ГУЛАГ» (К сравнению задач двух эпопей Александра Солженицына)	337
<i>Сидор Моника (Польша)</i> Личность, общество, коллективный герой: трансформации модели героя в ранних произведениях А. Солженицына	347

ПОЭТИКА «КРАСНОГО КОЛЕСА»

<i>Аркатова Анна (США)</i>	
Система ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо»	359
<i>Баршт Константин (Санкт-Петербург)</i>	
О нарративной структуре «Красного Колеса» А.И. Солженицына	370
<i>Ванюков Александр (Саратов)</i>	
«Красное Колесо» А.И. Солженицына: поэтика заглавия и структура повествования (Узел II. «Октябрь Шестнадцатого»)	387
<i>Дюран Клод (Франция)</i>	
Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности в «Красном Колесе» Александра Солженицына	406
<i>Ивамото Кадзухиса (Япония)</i>	
Ленин и Солженицын: идентификация автора «Красного Колеса» с героем	427
<i>Мелентьева Ирина (Москва)</i>	
Свет и тьма восьмой главы «Августа Четырнадцатого»	437
<i>Солженицына Наталия (Москва)</i>	
Картотека «Красного Колеса»: замысел и осуществление	442
<i>Темпест Ричард (США)</i>	
Фермопилы Георгия Воротынцева: солженицынская концепция мужественности	452
<i>Урманов Александр (Благовещенск)</i>	
«Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе»)	462
<i>Хитрая Анна (Москва)</i>	
Художественное слово как форма выражения историософских воззрений А.И. Солженицына	474
<i>Шмелев Алексей (Москва)</i>	
Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к «Красному Колесу»	481
СОЛЖЕНИЦЫН И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Гальцева Рената (Москва)</i>	
По дороге «Красного Колеса» в обратную сторону, или Борьба на два фронта	499

<i>Жэнь Гуансюань (Китай)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына в Китае	513
<i>Шляпентох Дмитрий (США)</i>	
«Красное Колесо» Солженицына: между эмоциями и реальностью	518
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i>	
Неизбежность очерка о П.А. Столыпине в «Красном Колесе»	
А.И. Солженицына	533

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Струве Никита (Франция)</i>	
Том за томом: заметки первоиздателя «Красного Колеса»	549